

*Для Джоуи:
ты так прекрасен, мой любимый*

Глава 1

ДОМ

У меня есть роковой изъян, и мне хотелось бы думать, что он не чужд всем людям. По крайней мере, мне от этой мысли становится легче, когда я занимаюсь писательским трудом. Обычно я приписываю своим персонажам какие-то пороки и привязываю к этому все, что с ними происходит. А конкретнее — привязываю к тому, что они научились делать, чтобы защитить себя, и теперь не могут отпустить старые привычки, даже когда те перестают служить им.

Например, в детстве вы не очень-то контролируете свою жизнь. И поэтому, чтобы избежать в жизни разочарований, вы учитесь никогда не спрашивать себя, чего вы хотите в действительности. И это продолжается довольно долго. И только осознав, что вы не получили чего-то, а тяжело получив «то-не-знаю-что», вы в итоге мчитесь в автомобиле по шоссе своей жизни к пункту кризиса среднего возраста с чемоданом, полным наличных, и недавним знакомым Стэном в багажнике.

Может быть, ваш роковой изъян в том, что вы не используете поворотники? Или, может быть, вы, как и я, безнадежный романтик? Вы просто не можете перестать рассказывать себе историю своей жизни. Ту самую, которая идет в комплекте с мелодраматическим саундтреком и золотым светом солнца, пронзающим окна автомобиля.

Все началось, когда мне было двенадцать. Родители усадили меня, чтобы рассказать новости. Именно тогда мама узнала свой первый диагноз — подозрительные клетки в левой груди. Она так часто говорила мне не волноваться понапрасну, что я начала подозревать, что эти слова предназначались исключительно для меня и ни разу не были правдой. Моя мама была слишком уж... веселой и оптимистичной, всячески старалась не выглядеть беспокойной. Я тогда впала в ступор, опасаясь, как бы не сказать чего лишнего, чтобы не сделать хуже.

Но тут мой отец — известный книжный червь и домосед — совершил нечто неожиданное. Он встал, взял нас — меня и маму — за руки и сказал: «Знаете что... Нам нужно срочно избавиться от дурных предчувствий. Нам нужно хорошенько потанцевать!»

В нашем пригороде не было много клубов, только посредственный стейк-хаус с пятничной вечерней кавер-группой, но мама загорелась так, будто он только что предложил взять частный самолет до Копакабаны.

На ней было блестящее желтое платье и пара металлических сережек, которые поблескивали и колыхались в такт ее шагам. Папа заказал двадцатилетний виски для себя с мамой и безалкогольный коктейль «Ширли Темпл» для меня. Мы втроем кружились и подпрыгивали, пока у каждого из нас не закружилась голова. Мы хотели до упаду, а мой всегда сдержанный отец подпевал под молодежную композицию в исполнении *Brown Eyed Girls** так, как будто он один в зале.

А потом, уставшие и измученные, мы забрались в такси и поехали домой в тишине. Мама и папа крепко держались за руки, склонившись друг к другу на соседних сиденьях. А я, прислонившись лбом к стеклу, смо-

* *Brown Eyed Girls* — южнокорейская гёрл-группа.

трела на мерцающие уличные фонари и думала: «Все будет хорошо, у нас всегда все будет хорошо».

И в этот момент я поняла главное. Когда весь мир кажется тебе темным и страшным, только любовь может увести тебя в мир танцев, только смех может снять часть боли, только красота может пробить броню твоих страхов. Именно тогда я и решила, что моя жизнь будет всем этим полна. Причем не только для меня, но и для мамы, и для всех остальных, кто вокруг меня.

В этом отныне и будет заключаться моя цель. Будут и красота, и свет свечей, и «Флитвуд Мэк», тихо играющая на заднем плане.

Дело в том, что я начала рассказывать себе эту красивую историю о своей жизни, о судьбе и о том, как все складывается, довольно давно, и к двадцати восьми годам моя история действительно стала идеальной.

В ней были и идеальные (разумеется, без рака) родители, которые звонили мне несколько раз в неделю, и их посиделки с вином в компании друг друга. Был и идеальный (романтический полиглот ростом под два метра) бойфренд, который работал в реанимации и знал, как приготовить кок-о-вен*. Идеальная, хоть и не новая шикарная квартира в Квинсе. Идеальная работа, которая позволяла мне называться писательницей. Писала я для издательства «Сэнди Лоу» романтические романы, вдохновленные идеальными родителями и идеальным парнем.

Вот такая совершенная жизнь.

Но это была всего лишь выдуманная история. Поэтому, когда в сюжете жизни появились такие зияющие дыры, через которые стала видна неприглядная реальность, все рухнуло. Так устроены все романтические истории.

* *Петух в вине* (кок-о-вен, фр. соq au vin) — классическое блюдо французской кухни из курятины.

Все пришло к тому, что тогда, в свои двадцать девять лет, я чувствовала себя несчастной, опустошенной, разоренной и очень одинокой. Даже вид великолепного дома на озере в штате Мичиган, к которому я подъезжала, вызывал у меня тошноту. Грандиозная романтика всей моей жизни перестала служить мне, но мое роковое нежелание воспринимать реальность все еще было на страже, сидя рядом со мной в моей помятой «Киа Соул», и рассказывая о том, что произошло:

Января Эндрюс таращится в окно машины на мрачное озеро, бьющееся о темный берег. Она пытается убедить себя, что приехала сюда не по ошибке.

Но это определено была ошибка, хотя лучшего выбора не было. Вы ведь не откажетесь от бесплатного жилья, когда вы на мели.

Я припарковалась на улице и устояла на огромный фасад коттеджа, на его сверкающие окна и сказочное крыльцо, в окружении пушистой травы, танцующей на теплом ветру. Затем сверила адрес в своем GPS-навигаторе с написанным от руки на брелке, висящем на ключе от дома. Все было в порядке.

На минуту я замешкалась, как будто меня мог унести астероид Судного дня, стоит мне выйти из машины. Затем глубоко вздохнула и вышла, немного поборолась со своим переполненным чемоданом, засунутым на заднее сиденье вместе с картонной коробкой с бутылками джина.

Откинув с глаз прядь темных волос, я рассмотрела васильковую черепицу и белоснежную отделку. «Просто представь, что ты на Airbnb»*.

* *Airbnb* (рус. «Эйрбиэнби») — онлайн-площадка для размещения, поиска и краткосрочной аренды частного жилья по всему миру.

Тут же в моей голове промелькнуло и воображаемое описание с сайта:

Коттедж с тремя спальнями и тремя ванными. Уютно устроился на берегу озера. Полон очарования и доказательств того, что твой отец был негодяем, а вся твоя жизнь была пронизана ложью.

Я начала подниматься по ступенькам, вырубленным прямо в травянистом склоне холма. Кровь гулко пульсировала у меня в ушах, а ноги дрожали, предвкушая момент, когда развернется адская бездна и мир вокруг меня рухнет.

Но мир вокруг меня уже рухнул. Это случилось в прошлом году, и если уж не убило меня тогда, то и сейчас уже не убьет.

Когда я застыла на крыльце, мне показалось, что все мои чувства до крайности обострились. Вот покальвание на моем лице, которого я прежде не замечала, вот какое-то скручивание в животе и противные капли пота на шею. Я прижала коробку с джином к бедру и вставила ключ в замок, надеясь, что он заклинит. Мелькала слабая надежда, что все это окажется тщательно продуманной шуткой, которую папа придумал для нас с мамой перед смертью.

Или, что еще лучше, окажется, что он вовсе и не умер. Он выскочит из-за кустов со словами: «Попалась! Ты же всерьез не думала, что у меня есть тайная вторая жизнь, правда? Неужели ты думаешь, что у меня мог быть второй дом с какой-то другой женщиной, кроме твоей матери?»

Ключ бесшумно повернулся, и дверь распахнулась внутрь.

В доме было тихо.

Боль пронзила меня насквозь. Я уже как-то испытала точно такие же ощущения, по крайней мере один раз

до этого. В тот день, когда мне позвонила мама и, всхлипывая, сообщила об инсульте отца. «Он ушел, Яна».

Разумеется, никакого папы здесь не было. Не только здесь, но и нигде. А потом был второй удар боли, словно в болевшем месте провернули нож. «Отец, которого ты знала, все равно никогда не существовал».

Получалось, что по-настоящему у меня никогда и не было отца, как не было и моего бывшего, Жака, с его кок-о-венном.

Получалось, все это — просто история, которую я сама себе рассказала. И так, отныне либо ничего, либо правда, какой бы страшной она ни была! Я собралась с духом и ступила внутрь.

Моя первая мысль была о том, что «уродливая» правда оказалась не такой уж и уродливой. Любовное гнездышко моего отца имело открытую планировку. Гостиная переходила в заботливо выложенную синей плиткой кухню и отдельный уютный уголок для завтрака, а за стеной с окнами сразу начиналась темная веранда.

Если бы этим местом владела мама, все было бы оформлено смесью нейтральных пастельных тонов, успокаивающих по своей сути. А это богемная комната, в которую я вошла, была бы уместнее в доме Жака или в моем старом доме, чем в доме моих родителей. Я почувствовала легкую тошноту, представив себе папу здесь среди этих вещей, которые мама никогда бы не выбрала. Этот народный расписной стол для завтрака, темные деревянные книжные полки, продавленный диван, заваленный разномастными подушками.

Не было ощущения того, что это принадлежало отцу, каким я его знала. В кармане зазвонил телефон, и я поставила коробку на гранитную столешницу, чтобы ответить на звонок.

— Алло?

— Ну и как? — вместо ответа спросил слабый и скрипучий голос на другом конце провода. — Там есть секс-подземелье?

— Шади? — догадалась я. Зажав телефон между ухом и плечом, я скрутила крышку с одной из бутылок джина и сделала глоток, чтобы подкрепиться.

— Честно говоря, меня беспокоит, что я единственная, кто может позвонить и спросить об этом, — ответила Шади.

— Да. Ведь ты единственный человек, который вообще знает об этой лачуге любви, — заметила я.

— Не единственная, — возразила Шади.

По сути, это было верно. Я узнала о тайном доме своего отца на озере только на его похоронах в прошлом году, а мама была в курсе уже давно.

— Отлично, — сказала я. — Ты единственный человек, которому я об этом рассказала. В любом случае, дай мне секунду. Я только что приехала.

— В буквальном смысле?

Шади тяжело дышала, а это означало, что она шла на смену в ресторан. Поскольку мы работали в разное смены, большинство звонков мне она делала по пути на работу.

— Метафорически, — ответила я. — Я здесь уже минут десять, но у меня такое ощущение, будто я только сюда вошла.

— Очень мудро, — сказала Шади. — Настолько глубоко, что...

— Т-с-с, — сказала я. — Я хочу разглядеть все получше.

— Проверь, нет ли там секс-подземелья! — поспешила сказать Шади, как будто я вешала трубку.

Но я не торопилась вешать трубку. Просто молчала и прижимала телефон к уху. Затаив дыхание, сдержи-

вала бешено колотящееся сердце и смотрела во все глаза на вторую жизнь своего отца.

Пытаясь убедить себя, что папа не мог проводить здесь время, я заметила что-то в рамке на стене. Это была вырезка из списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» трехлетней давности — та самая, которую он повесил и у нас дома над камином. Я в этом списке под номером пятнадцать. А на три места выше «моей строчки» по странному стечению обстоятельств значился мой соперник по колледжу Гас — теперь его звали Огастес и он был очень серьезным человеком — с его невероятно интеллектуальным дебютным романом «Откровения». Он оставался в этом списке в течение пяти недель. Я не любила это признавать, но считала каждый день, пока он был в этом списке.

— Ну и что там? — подала голос Шади. — Как ты думаешь?

Я повернулась, и мой взгляд упал на гобелен с мандалой, висящий над диваном.

— Я начинаю подозревать, что папа покуривал травку, — проговорила я и повернулась к окнам, выходящим сбоку дома. Они почти идеально совпадали с соседскими. Такой недостаток мама никогда бы не упустила, если бы выбирала дом.

Но по соседству едва ли был дом человека, похожего на мою маму. Я отчетливо видела у соседей книжные полки от пола до потолка, которые стояли вдоль всего кабинета.

— О боже, так может, это дом для взрослых дел, а не лачуга для глупой любви? — более радостно зазвучал голос Шади. — Тебе следовало бы все же прочитать то письмо, Яна. Все это какое-то недоразумение. Твой отец оставляет тебе семейный бизнес, а та женщина была его деловым партнером, а не любовницей.

Хуже всего было то, что я сама хотела, чтобы она оказалась права!

В любом случае я твердо намеревалась прочитать письмо. Просто ждала подходящего момента, надеясь, что последние слова отца успокоят меня и мой гнев уляжется. Но прошел целый год, и страх, который я испытывала при мысли о том, чтобы вскрыть конверт, рос с каждым днем. Это было так несправедливо, что последнее слово останется за ним, а я не смогу ответить. Глупо кричать, плакать и требовать новых ответов. Как только я открою письмо, пути назад уже не будет и состоится последнее прощание.

Так что до дальнейших распоряжений его письмо жило счастливой, хотя и одинокой жизнью на дне коробки с вещами, которые я и приволокла с собой из Квинса.

— Это не похоже на дом для выращивания травы, — сказала я Шади и открыла заднюю дверь, выходя на веранду. — Если только травку не выращивали в подвале.

— Ну уж нет, — возразила Шади. — Там уже находится темница для секса.

— Ладно, давай не будем говорить о моей унылой жизни, — сказала я. — Что у тебя нового?

— Ты имеешь в виду Зачарованную Шляпу? — уточнила Шади.

Ах, если бы только у нее уже не было четверых соседей по комнате в чикагской квартире! Тогда, возможно, я осталась бы там. Нельзя сказать, чтобы я была способна на серьезные дела, когда рядом была Шади. Да и мое финансовое положение было слишком тяжелым, чтобы я могла себе позволить ничего не делать. Нет, я просто должна была скорее закончить свою следующую книгу в этом свободном от арендной платы аду. Тогда, может быть, у меня появится возможность организовать свое собственное, свободное от Жака, местечко.